

Объединяя прошлое, настоящее и будущее

В октябре 1921 года в белорусскую историю были вписаны страницы, запечатлевшие ярчайший итог упорного стремления белорусов встать вровень с передовыми народами, что, вкупе с другими обстоятельствами, возможно только при условии создания своего национального по духу университета. И таковой был торжественно открыт 30 октября. Уже на следующий день начались регулярные занятия на первых факультетах Белорусского государственного университета – медицинском, общественных наук и рабочем...

Об идее и феномене университета написано огромное количество работ – от глубоких философских со всесторонней аргументацией первенства вуза в цивилизационном движении человечества до простых констатаций его реального вклада в развитие самых различных профессиональных сфер и, что особенно важно, – вклада в культуру народа и человека.

Уже с XII века университеты становятся неотъемлемой частью жизнедеятельности большинства стран и народов Западной и Центральной Европы, настоящим индикатором цивилизованности. Государственная необходимость, личные амбиции и политическая прозорливость властителей и церковных иерархов давали старт появлению в Европе десятков университетов. Одновременно огромную роль в их созда-

нии и деятельности играли общественные настроения и потребности. Элитарность университетского образования являлась для каждой конкретной страны и даже города предметом гордости, местом притяжения представителей тех стран и земель, где университета не было. И это было одной из немногих точек единения, а не отторжения многомиллионной, политически разобщенной и воинственной Европы. Университет стал не только учебным заведением высшего типа, но прежде всего заведением универсальным, нацеливающим своих питомцев на постижение как определенной профессии, так и всего богатства знаний и культуры.

В орбиту развития европейских университетов были вовлечены и уроженцы белорусских земель. На протяжении XIV–XVI веков возможность получения в Европе высшего образования воспользовались сотни молодых интеллектуалов из Великого Княжества Литовского. Наши земляки проторили дороги знаний в университеты германских (Берлин, Лейпциг, Виттенберг, Нюрнберг, Кенигсберг, Тюбинген, Ингольштадт, Грейфсвальд, Росток) и итальянских (Падуя, Рим, Болонья) городов, швейцарского Базеля, французского Парижа, английского Лондона, шотландского Эдинбурга и др. Там они получали юридическое, медицинское, богословское образование, реализовав затем свои знания на родине.

В 1578 году в Вильно иезуитами был создан коллегиум, который королевским привилеем получил статус академии. По мнению многих ученых, отсюда ведет отсчет история высшей школы на землях наших предков (академия получила права, равные с правами Краковского университета). К со-

▼ Лекция
в средневековом
университете.
Миниатюра. Вторая
половина XIV века

жалению, когда вся Европа, а вслед за ней и Российская империя, в составе которой после разделов Речи Посполитой оказались белорусские города и села, на протяжении XIX и начала XX века стремительно шли по пути модернизации важнейших сторон жизни, в «Северо-Западном крае» империи университет оказался под полным запретом. Царским указом 1832 года Виленский университет был закрыт ввиду вызревшей в его стенах «крамоль». Взамен белорусские губернии не получили ничего, а народ оказался лишенным собственного очага постижения высших интеллектуальных сфер.

Все неоднократные ходатайства перед столичным Санкт-Петербургом о разрешении создать университет были отвергнуты. И к началу XX века только эта западная «окраина» империи продолжала выделяться отсутствием на большой, прилегающей к Центральной и Западной Европе, территории полноценного университета. Даже чисто узкопрофессиональная высшая школа, которую представлял недолгое время Горы-Горецкий земледельческий институт, была закрыта царскими властями, напуганными событиями 1863–1864 годов.

Разрешение на открытие трех учительских институтов (в Витебске, Могилеве и Минске), последовавшее накануне Первой мировой войны, нельзя рассматривать в контексте рассуждений об университете. В Российской империи они не были «встроенны» в систему высших учебных заведений, а лишь позволяли частично компенсировать нехватку учителей в учебных заведениях начального уровня. Поэтому для нас очевидно и не требует углубленных доказательств констатация – к 1917 году на белорусских землях идея своего национального университета (как и в целом высшей школы) уже долгие десятилетия будоражила передовые умы. Импульс к ее продвижению в практическую плоскость был дан I Всебелорусским съездом в декабре 1917 года.

Над университетским проектом работали выдающиеся ученые-гуманитарии, наши земляки, сумевшие реализовать свой творческий потенциал в университетских центрах России: историк М.В. Довнар-Запольский, филолог и этнограф Е.Ф. Карский. Однако политическая обстановка вновь вынудила отодвинуть достаточно четко сформулированный план создания своего национального университета.

ДЕКРЕТ

Центрального Исполнительного Комитета Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов С. С. Р. Белоруссии.

от 25 февраля 1919 года.

Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов С. С. Р. Белоруссии постановил:

Открыть в гор. Минске Государственный У-т и на первые и на личные нужды по его организации отпустить из средств Республики один миллион руб. (1.000.000р.).

**Председатель Ц. И. К. Белоруссии
Мясииков.**

Подготовительная работа, которая была проведена инициаторами создания университета в сложный период оккупаций и идеологических столкновений, дала свои плоды. Правда, далеко не все, кто начинал «путь к университету», встал у его колыбели. Революционное время и победа большевистских идей определили тот факт, что Белорусский университет стал создаваться как государственный, как учебно-научное учреждение высшего типа, призванное обеспечивать высокопрофессиональными кадрами буквально все сферы социальной жизни государства и общества, политику и мировоззрение победившей политической силы. Но при этом было очевидно, что он мыслился и создавался для реализации общенациональных задач.

Как известно, белорусская советская государственность была провозглашена в Смоленске в первый день 1919 года. И одним из первых правительственных решений новой республики стал декрет от 25 февраля 1919 года. Специальным постановлением Центральный Исполнительный Комитет ССРБ определил конкретные меры по созданию в Минске университета. Были выделены деньги (1 млн рублей) и сформирована специальная комиссия при губернском комиссариате народного просвещения под руководством Е.Ф. Карского (в ее состав вошли А.Г. Червяков, В.Н. Ивановский, С.Д. Каминский, М.Я. Фрумкина и др.). Буквально за два месяца комиссия

организовала подготовительные курсы для тех, кто желал поступить в университет. Однако, опять же, не с этих важных событий мы ведем отсчет истории БГУ.

Белорусский университет, создававшийся на западных рубежах развалившейся Российской империи, для России советской имел очевидно важное политическое значение. К тому же белорусам без помощи из Москвы (организационной, материальной, кадровой и др.) создать в короткое время свой университет было просто нереально. Известно, что при Народном комиссариате просвещения РСФСР в помощь начавшей работу Минской университетской комиссии была образована особая Московская комиссия в составе выдающихся российских ученых и представителей наркоматов. Вместе в неимоверно сложных условиях, то прерывая, то возобновляя свою работу, к весне 1921 года они смогли сделать невозможное – создать достаточно сбалансированную первоначальную базу для развертывания полноценной учебной и научной деятельности Белорусского государственного университета. О миссии университета в то бурное время неоднократно писали и говорили лучшие умы формирующейся белорусской нации – Ф.Ф. Турук, В.И. Пичета, В.М. Игнатовский, А.Г. Червяков, С.З. Каценбоген и многие другие. И всех их мы по праву называем «отцами-основателями» БГУ.

Уже через год после начала деятельности Белорусского государственного университета одна из центральных улиц города была переименована в Университетскую! Тем самым профессура и городские власти отдали должное общеевропейской традиции. Создаваемому вузу были предоставлены помещения, очень значимые для истории белорусского высшего образования – аудитории гимназии по улице Магазиной, которой ранее владели минские интеллигенты Константин Фалькович и Сергей Зубакин, а также реального училища Эммануила Хайкина. В первом здании расположилось Правление (ректорат) БГУ, открылись двери университетской библиотеки, сели за столы студенты рабфака (сегодня это существенно перестроенный корпус исторического факультета). Его сразу же стали официально называть «Дом № 1 БГУ». Здесь в своем скромном кабинете работал, а некоторое время и жил первый ректор БГУ В.И. Пичета.

Рядом, в «Доме № 2 БГУ» (здание бывшей фабрики «Виктория»), был организован анатомический театр медицинского факультета и в полную силу началась подготовка будущих медиков для молодой республики. Чуть ниже по все той же улице, в «Доме № 3 БГУ» (в здании бывшего реального училища Э. Хайкина), 31 октября 1921 года профессор-историк Д.П. Кончаловский прочел первую лекцию учащейся молодежи Беларуси – студентам факультета общественных наук БГУ!

Еще через двести метров в здании бывшего Управления Либаво-Роменской железной дороги расселились семьи первых университетских профессоров. А завершило линию этой уже по-настоящему Университетской улицы здание бывшего Коммерческого училища, в котором с 1922 года заработал педагогический факультет БГУ. Тут же через четыре года по решению белорусского правительства специально для университета было построено здание физико-математического отделения педфака и его научного воплощения в виде Института физики (сегодня это здание ректората БГУ).

Университетские преподаватели-гуманитарии поставили перед собой задачу органично сопрягать свою научно-преподавательскую деятельность с популяризацией знаний среди населения советской Беларуси. Поэтому одной из идей стало создание уникального музея, в котором бы были собраны различные экспонаты по истории мировой культуры и религий. И уже с апреля 1924 года такой музей открыл свои двери в здании факультета общественных наук. Это стало важным событием для всей страны. И руководство БГУ, «принимая во внимание огромное культурное значение музея», специально информировало об этом ЦК КП(б)Б и предложило использовать его образовательно-культурные возможности «всеми подведомственными <...> учебными заведениями и культурно-просветительными организациями».

Но прежде чем БГУ заработал в полную силу, необходимо было пройти путь проб и ошибок, путь становления. Нужно было набираться опыта, которого до 1921 года в Беларуси не было накоплено...

Учитывая общий низкий образовательный уровень тех, кто мог претендовать на поступление в университет, обращалось

особое внимание на необходимость скорейшего создания так называемого рабочего факультета, на котором можно было бы подготовить рабоче-крестьянскую молодежь к учебе по университетским специальностям. О важности этой миссии говорит тот факт, что в специальную комиссию по созданию рабфака вошли представители центральных органов партии и правительства – В.Г. Кнорин, И.П. Кореневский и др.

В конце 1920 года 12 ученых из Москвы приехали в Минск, чтобы на месте завершить подготовительные работы и обеспечить открытие университета. В составе этой группы были профессоры: историк В.И. Пичета, химик Б.М. Беркенгейм, зоолог Н.М. Кулагин, этнограф Н.А. Янчук, медики Л.С. Минор и М.Б. Кроль. Минск поразил их своей разрухой, а минчане – стремлением как можно скорее открыть свой белорусский университет.

К этому времени члены Минской и Московской комиссий разработали учебные планы, предложили к утверждению учебно-научную структуру университета, стали подбирать первый состав научно-педагогических кадров. Одним из наиболее важных совместных решений было принятие постановления от 7 марта 1921 года о Временном правлении БГУ, в которое вошли Владимир Иванович Пичета, Федор Федорович Турук и Захар Григорьевич Гринберг. Реальность подготовительных действий проявилась только после специального постановления 3-й сессии ЦИК ССРБ от 17 апреля 1921 года, в котором на государственном уровне была зафиксирована необходимость открытия университета в Минске. При ЦИК ССРБ была создана Университетская комиссия, которая вместе с Временным правлением БГУ занялась конкретизацией всех предыдущих наработок и их реализацией в деятельности университета.

Коллегия Наркомпроса Беларуси 8 июля 1921 года назначила официальное руководство БГУ – Правление, которое возглавил ректор. Им был утвержден выдающийся историк В.И. Пичета. Авторитет Владимира Ивановича как ученого и организатора был неоспорим. Вместе с ним в составе Правления повели дело организации университетского образования и науки В.М. Игнатовский, Ф.Ф. Турук, М.Я. Фрумкина и др. Представители студенчества (вначале рабочего факультета, а потом и других факультетов)

▲ Здание педагогического факультета БГУ. 1920-е годы

стали активными организаторами основ своей alma mater.

Первые факультеты возглавили известные ученые. Так, первым деканом медфака решением Правления от 31 октября 1921 года был утвержден профессор Б.М. Беркенгейм. Он вскоре передал свои полномочия биологу А.В. Федюшину, которого затем сменил профессор медицины М.Б. Кроль. Некоторое время в 1922 году деканом медфака был известный в России ученый С.П. Соколовский. Но именно Михаил Борисович Кроль стал подлинным организатором медицинского образования в Беларуси.

Первым деканом факультета общественных наук был назначен нарком просвещения ССРБ историк В.М. Игнатовский (его заместителем был молодой белорусский философ С.Я. Вольфсон). В конце августа 1922 года Всеволод Макарович возглавил новый факультет – педагогический (его заместителями стали историк Н.М. Никольский и математик И.С. Пятосин). А на его место пришел Каценбоген – профессор социологии и член Правления БГУ.

Торжественное открытие БГУ состоялось 11 июля 1921 года (в годовщину освобождения Минска от оккупации) в здании Минского городского театра. На нем присутствовали члены правительства ССРБ, представители общественности, ученые. Однако первый ректор БГУ и эту дату не определял как точку отсчета университетской жизни. Считается, что сердце Белорусского государственного университета стало биться 30 октября – в день начала его полноценной работы. Так называемый Акт открытия университета в

торжественной обстановке был проведен в полдень в актовом зале бывшего училища Хайкина. Участие в нем приняли все профессора, преподаватели и студенты, которые были приняты в штат БГУ и зачислены на первые три факультета – общественных наук, медицинский и рабочий. Разумеется, присутствовали все представители партийно-государственного руководства республики и города Минска. После приветствий официальных лиц и оглашения приветственных телеграмм, присланных из университетов и научных учреждений России и Украины, выступил ректор В.И. Пичета. Затем собравшимся были представлены два научных доклада – профессор И.М. Соловьев выступил на тему «Школа и задачи научной педагогики», а профессор М.Б. Кроль – «Мышление и язык».

В водовороте решения первых насущных проблем определялся и смысл будущей деятельности университета. Национальная самобытность белорусов, их история, культура, государственность как первопричины развертывания университетского образования на нашей земле предопределили первые направления деятельности БГУ. Сразу же развернулось формирование важнейших центров научно-образовательного и культурного фундамента белорусской государственности и общественной жизни: Института белорусской культуры, а затем Белорусской академии наук, Государственной фундаментальной библиотеки (современной Национальной), архивного дела, создания правовых основ жизнедеятельности

социума, познание и сохранение исторического наследия белорусов, налаживание эффективной экономической деятельности страны и др. БГУ через несколько лет наладил в своих стенах полноценный, современного уровня учебный процесс с глубоким научным сопровождением. Университет превратился в настоящий очаг высшего познания, образовав базу для подготовки высококлассных специалистов по важнейшим прикладным и фундаментальным специальностям, и тем самым обеспечил условия для создания отдельных профильных высших учебных заведений-институтов. На рубеже 1920–1930-х годов они выросли на базе университетских факультетов: педагогический, медицинский, юридический, политехнический, народного хозяйства. Следует подчеркнуть, что молодое белорусское государство, концентрируя силы и ресурсы на ключевых точках модернизации, даже в условиях нехватки ресурсов и денежных средств находило возможности для поддержки университета. Например, государственный бюджет 1928 года был сверстан без учета средств на школу, медицину, социальное обеспечение, которые должны были финансироваться из местных средств. Однако финансирование БГУ не только не сократили, но даже увеличили.

Те, кто работал по созданию первого белорусского высшего учебного заведения, прекрасно осознавали и знали, что на территории Беларуси до момента развертывания деятельности Белорусского государственного университета не было ни одного высшего учебного заведения. Еще в период проведения подготовительных работ по открытию БГУ в докладной записке, которую подписали председатель Е.Ф. Карский и секретарь Л.Г. Слепян, отправленной летом 1920 года в Наркомпрос РСФСР, члены Университетской Комиссии при Минском губотделе народного образования поясняли московским коллегам: «Из всех областей Российской Республики Белоруссия с населением до 15 миллионов человек (в том числе до 10 миллионов белоруссов) не имеет до сих пор ни одного Высшего Учебного Заведения, а между тем за нею все права на обладание им <..>. Все это указывает, как велика здесь потребность в высшем образовании разного типа».

Первый ректор БГУ В.И. Пичета в 1927 году в период празднования 10-й годовщины победы Октябрьской революции, называя

«першай вышэйшай школай на Беларусі» открытую в XVI веке Виленскую иезуитскую академию, тем не менее констатировал, что «толькі з моманту ўтварэння Беларускай Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі з'явілася мажлівасць адчынення вышэйшай школы...». И именно через создание БГУ белорусские советские власти « <...> знайшлі мажлівым палажыць пачатак вышэйшай школе на Беларусі». В дни, когда вся белорусская республика отмечала десятилетний юбилей своего университета, нарком просвещения БССР А.М. Платун в специальном юбилейном сборнике вновь напомнил: « <...> 10 год існавання Беларускага Дзяржаўнага Універсітэту як першай вышэйшай школы ў БССР. Да гэтага часу, як вядома, на Беларусі не толькі ня было ніводнай вышэйшай школы, але і нават вельмі слаба была разгорнута наогул народная асвета».

А уже не в столь отдаленное время в известной книге по истории высшей школы Беларуси («Высшая школа Советской Белоруссии» Н.И. Красовского) отмечалось, что в Российской империи рубежа XIX–XX веков «учительские институты не были уравнены в правах с высшими учебными заведениями <...>», и его выпускники обязаны были в продолжение своей карьеры поступать в университеты и полноценные профессионально ориентированные институты. Поэтому очевидным фактом было то, что «в 1931 г. на базе педагогического факультета Белорусского государственного университета в Минске открывается Высший педагогический институт им. А.М. Горького <...>».

Белорусский университет создавали первоклассные профессионалы-ученые, получившие свои знания в российских и европейских университетах и научных лабораториях. Состоявшиеся ученые ехали в Минск в силу разных причин и жизненных обстоятельств, но и потому, что их лично приглашали ректор, руководство республики. Это были историки Д.А. Жаринов, Д.П. Кончаловский, В.Н. Перцев, Н.М. Никольский, А.А. Савич, Н.Н. Щекотихин; экономисты В.В. Якунин, А.М. Арцимович, Л.И. Лубны-Герцик; педагоги И.М. Соловьев, С.М. Василейский; юристы Н.Н. Кравченко, М.О. Гредингер, Б.В. Чредин, В.Н. Дурденевский; физик Н.Н. Андреев и др. На белорусской земле они видели возможности достойного продолжения своей научной и

педагогической карьеры. Одновременно повсеместно искали и находили национальные научные кадры. Прежде всего, правительство республики и руководство БГУ стремились вовлечь в дело университетского развития местную интеллигенцию, деятелей белорусского национально-го движения. Таковыми были Н.А. Янчук, Ф.Ф. Турук, Н.М. Пиотухович, Я.Ю. Лёсик, Якуб Колас, С.М. Некрашевич, А.А. Богданович, И.С. Волк-Леванович, М.В. Довнар-Запольский, Д.И. Довгяло, В.Д. Друщиц, И.И. Красковский, Н.В. Азбукин, А.А. Смолитч, Е.Е. Романов, С.А. Лясковский и др.

Говоря о высоком профессионализме и чувстве ответственности университетских интеллектуалов, можно сослаться лишь на два примера. Так, Николай Николаевич Андреев, выдающийся русский физик, в будущем академик АН СССР и Герой Соцтруда, входил в состав Московской комиссии по организации БГУ и сразу же точно и емко определил важнейшую составляющую характеристик создаваемого университета. В специальной записке он указал: «Если лицо, любящее науку, не встретит в Университете группы лиц, одушевленных такими же интересами, и материальную обстановку (книги, лабораторию и пр.), которая даст возможность серьезно учить и серьезно самому заниматься наукой, то никакие материальные блага не удержат в Минске лиц, истинно любящих науку <...>». Сам Николай Николаевич за короткий срок работы в Минске сумел наладить преподавание физики, создал классную лабораторию и основал на ее основе Институт физики.

Другой пример высокого профессионализма является собой работа в БГУ выдающегося химика Б.М. Беркенгейма. Письменную рекомендацию для приезда в Минск ему дал один из ключевых членов Московской комиссии по созданию БГУ – профессор-медик Л.С. Минор, и она была поддержана Наркомпросом РСФСР. Еще бы – химик имел незаурядные теоретические познания в различных областях науки, прослыл крупнейшим специалистом в вопросах химзащиты в условиях военных действий в годы Первой мировой войны, сумел наладить в Киеве настоящее фармацевтическое производство. Благодаря ему в БГУ с первых дней развернулось полноценное преподавание органической, неорганической и аналитической химии. Немало сделал Б.М. Беркен-

гейм и для организации учебного процесса и преподавания важнейших биологических дисциплин на медицинском факультете. Белорусские военные нашли в нем высокопрофессионального консультанта в вопросах налаживания химзащиты. Борис Моисеевич был активным членом Научного общества, делал доклады перед населением республики о современных достижениях и перспективах химической науки.

В БГУ, как и в целом в БССР, отстраивались механизмы и институты, позволявшие формировать белорусскую науку с наполнением ее максимально возможными составляющими. На первых порах приоритет как-то оказался на стороне гуманитарных наук. Ведь белорусам, прежде всего, надо было разобраться в самих себе, в своей истории, культуре, языке и т.д. В 1922 году стал действовать Институт белорусской культуры – первое комплексное научное учреждение Беларуси. Его устав был разработан учеными БГУ во главе с В.И. Пичетой и развит специальной комиссией во главе с Е.Ф. Карским. Инбелкульт был сориентирован на разработку проблем в русле «белорусского возрождения», когда приходилось буквально по крупицам собирать и систематизировать все, что относилось к белорусской филологии, истории, этнографии, географии, почвоведению, терминологии и проч. И эти вопросы вошли в круг исследовательских интересов университетских ученых – филологов Н.Н. Дурново, А.Н. Вознесенского, П.П. Бузука, И.И. Замотина; геолога Н.Ф. Блюдоху; историков В.И. Пичеты, В.М. Игнатовского, В.Н. Перцева, А.Н. Ясинского и многих других. Благодаря тому, что в университете с нулевой отметки, но сразу же основательно и по-европейски высоконаучно было поставлено медицинское образование, в БССР буквально «семимильными шагами» стала развиваться медицина в ее главнейших проявлениях – научном и практическом.

Университетские ученые уже с 1921 года были объединены двумя научными товариществами, абсолютно демократичными по своей организации и направлениям исследований: Научным обществом БГУ и Минским обществом истории и древностей. Профессура и даже простые ординаторы медицинского факультета, врачи городских больниц и клиник собирались в стенах БГУ для обсуждения научных проблем на своих особых собраниях. Здесь с энтузиазмом

обсуждались результаты проведенных и намечались контуры будущих исследований, максимально приближенных к специфике и потребностям советской Беларуси. Все вопросы, в том числе научного характера, детально обсуждались на заседаниях университетского Совета. Интересную зарисовку первого его заседания, которое состоялось 29 октября 1921 года, дал профессор-философ С.Я. Вольфсон. Он привел слова ректора В.И. Пичеты, обращенные к собравшимся «маститым» ученым и молодым «научным труженикам» – дружно совместно работать и творить, чтобы совершить «вялікую гістарычную справу». Сам Владимир Иванович видел важнейшую задачу для себя и своих коллег в том, чтобы «<...> безадкладна будаваць гісторыю Беларускага Народу, яго культурнага, эканамічнага і палітычнага жыцця, яго імкненняў і барацьбы, ацэньваючы факты з пункту гледжання інтарэсаў самага Беларускага Народу, а не тых ці іншых дзяржаўных арганізацый, якія над Беларускім Народам у розныя часы панавалі».

На рубеже 1920–1930-х годов для Беларуси наступило тяжелое время, когда эйфория созидания нового сменялась горькими реалиями усвоения «крутого поворота» на идеологическом фронте, а более всего – на линии слома парадигм НЭПа и мучительного выстраивания властью канонических для общества и каждого гражданина матриц «индустриализации», «коллективизации», «культурной революции». Условной, с негативными и позитивными оттенками и несколько растянутой временной и смысловой точкой завершения первоначального творческого энтузиазма по созданию белорусского университета и всей высшей школы Беларуси можно считать отстранение В.И. Пичеты от ректорства в университете и учреждение Белорусской академии наук (БАН). Эти два как бы разных по сути события произошли в 1928 году. В конце декабря этого года Владимир Иванович вместе с другими тридцатью наиболее «знаковыми» учеными Беларуси был утвержден в первом списке академиков созданной Белорусской академии наук. Но затем начался разгром академии, моральное и физическое уничтожение академиков. А университет не только был «разукрупнен», но и лишился основной части своей профессуры. Некоторые сумели вовремя уехать, другие воспользовались

достижением пенсионного возраста, но многие были уличены если не в «национал-демократизме», то в «великодержавном шовинизме» и были репрессированы.

Однако все же жизнь науки и высшей школы не остановилась, хотя резко сузились творческие горизонты, стали преобладать мелочные выяснения в отношении «правильного» понимания и ретрансляции марксизма буквально по всем областям научного знания и учебным дисциплинам. К написанию «марксистской» истории БССР стали привлекаться новые кадры. Одним из наиболее ярко проявивших себя на этом поприще стал В.К. Щербаков – уроженец Беларуси, участник Гражданской войны, постигший профессию историка на украинской земле. Василий Карпович как быстро приобрел высокий статус белорусского академика и первого декана первого самостоятельного исторического факультета БГУ, так и быстро «сгорел» в пламени сталинских «Замечаний» и установок на «фронте исторической науки».

Становление экономики новой мощной страны, безусловно, нуждалось в идеологическом обрамлении. Для этого нужны были историки, которые на языке фактов, а не схоластических концепций, живо и эмоционально могли донести до молодежи исторические знания. В мае 1934 года последовало постановление о преподавании географии и «гражданской истории», которое дало толчок к созданию исторических

факультетов в СССР, и, что особо важно для университетского образования в Беларуси, способствовало возрождению факультетской структуры в БГУ. Акценты идеологического характера касались всех советских интеллектуалов, а не только историков или в целом гуманитариев и обществоведов. Но более всего проблема состояла в катастрофическом дефиците кадров. Ее решение шло двумя путями: очевидной активизацией подготовки в БГУ и профильных институтах своих, белорусских специалистов и ученых, а также через приглашение из советских республик уже состоявшихся специалистов. Прежде всего – для преподавательской работы в университете.

В 1930-е годы для образовательно-научной сферы Беларуси характерны две как бы взаимоисключающие тенденции. С одной стороны, в еще более жестком режиме ставилась цель «опоры на национальные кадры», на «коренизацию» вузовского образования и академической науки. А с другой – всеми силами и средствами из советских республик, а более всего из России пытались завлечь в БССР и известных, и малоизвестных ученых. Вот только, в отличие от 1920-х годов, в данном случае явных добровольцев оставить столичные и провинциальные российские города и связать свою карьеру с Минском, а тем более с «заштатными» белорусскими городами заметно уменьшилось. Тем не менее в Минск за 1930-е годы приехало немало ученых,

◀ Первые профессора БГУ. Слева направо: в первом ряду – Соломон Захарович Каценбоген, Александр Николаевич Вознесенский, Николай Михайлович Никольский, Владимир Иванович Пичета, Всеволод Макарович Игнатовский, Иосиф (Язеп) Юрьевич Лёсик, Арсений Алексеевич Михайловский; во втором ряду – Иван Михайлович Соловьев, Семен Яковлевич Вольфон, Евгений Иванович Боричевский, Александр Антонович Савич, Дмитрий Алексеевич Жаринов, Евгений Константинович Успенский, Илья Яковлевич Герцик; в третьем ряду – Владимир Николаевич Перцев, Николай Николаевич Щекотихин, Виктор Васильевич Якунин, Михаил Николаевич Пиотухович

ставших гордостью белорусской науки, развивших современные направления подготовки студентов. Беларусь гордится биологами Л.А. Зенькевичем, Т.П. Ломтевым, М.Е. Макушком, М.П. Томиным; зоологом Н.М. Кулагиным, климатологом А.И. Кайгородовым; агрономом-растениеводом Е.К. Алексеевым; почвоведом Я.Н. Афанасьевым; химиками Б.В. Ерофеевым, Н.С. Козловым, В.К. Никифоровым, Ф.Г. Осипенко; географами В.А. Дементьевым, М.Н. Смирновым и представителями других направлений науки. Почти все они гармонично совмещали работу в БГУ и в АН БССР. Например, для преподавания курса истории народов СССР в Минске наездами, что тогда было привычным явлением, работали набиравшие в науке профессиональный и административный статус В.Н. Бочкарев, К.В. Базилевич, Е.А. Мороховец, М.Г. Седов, Ф.В. Потемкин, Г.В. Ефимов, И.С. Галкин и другие московские и ленинградские историки. А В.В. Мавродин даже некоторое время руководил кафедрой истории СССР в БГУ.

Попытки пополнить преподавательские кадры факультета истории московскими и ленинградскими учеными были вынужденными. Они не оправдали себя в полной мере. Работать наездами по-настоящему историки просто не могли. Кроме «начитки» лекций нужно было вести кропотливую идеологическую работу – и среди студентов, и среди населения республики. За вторую половину 1930-х годов университетский истфак смог увлечь несколько молодых ученых, которые в будущем стали его «светилами», – знатока древнерусской истории А.П. Пьянкова (выпускник Пермского университета и преподаватель Полтавского пединститута), специалиста в области истории Нового времени Л.М. Шнерсона (аспирант-выпускник ЛГУ), антиковеда В.И. Шевченко (выпускник ЛГУ и преподаватель Псковского пединститута), белорусиста И.С. Кравченко (выпускник Северо-Кавказского коммунистического университета и Института красной профессуры) и других.

Печально констатировать: многие из университетских ученых были не только не оценены по достоинству, но безжалостно уничтожены в условиях нагнетания политической истерии и беззакония. Находясь под особым «прицелом» на предмет безоглядной лояльности и политического

пресмыкательства, Белорусский университет в итоге понес колоссальные потери своего интеллектуального потенциала. Так, из восьми ректоров, которые возглавляли университет в 1921–1941 годах, семь были репрессированы (Владимир Иванович Пичета сослан на поселение, Никифор Михайлович Бладыко – в лагеря, Иван Федотович Ермаков и Владимир Степанович Бобровницкий отбыли тюремное заключение, а Иосиф Петрович Корневский, Ананий Иванович Дьяков и Алексей Степанович Кучинский расстреляны). В списках «репрессированного БГУ» – имена профессоров, доцентов, преподавателей, научных работников, лаборантов, студентов, вспомогательного персонала.

Однако даже в столь мрачной атмосфере БГУ сумел не только сохранить образовательную и научную базу, которая была заложена в 1920-е годы, но и продвинуться вперед, вновь выйти на позиции, свойственные настоящему классическому университету. Разгадка такой выживаемости, наверное, заключена и в некой генетической природе подобного интеллектуального сообщества, и в очевидной значимости университета буквально для всех сфер жизнедеятельности государства, экономики, общества, и в природной устремленности белорусского народа к знаниям, науке, культурным ценностям самого высокого уровня.

Гуманитарии и естествоиспытатели, экономисты и математики, историки и филологи, химики и физики, философы и биологи – каждый университетский педагог и ученый во многом определил направления развития той профессиональной среды, в которой являлся безусловным авторитетом. Они увлекли за собой по пути постижения совершенных знаний тысячи и тысячи учеников, создали настоящие научные и педагогические школы, внесли огромный вклад в строительство нашей страны. Все они были объединены общим делом в стенах своей alma mater – Белорусского государственного университета, который был, остается и всегда останется в истории Первым для Беларуси и для белорусов.

Сергей ХОДИН,
кандидат исторических наук, доцент
Олег ЯНОВСКИЙ,
кандидат исторических наук,
профессор